

Источник: konstantinovdaniil.ru

15.10.2014, 09:41 Москва

ДОКУМЕНТЫ

Даниил Константинов: выступления в прениях, последнее слово

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ПРЕНИЯХ

Я в прениях буду довольно краток и буду касаться только фактических обстоятельств дела, и тем более прошу быть всех внимательными к моему выступлению, в особенности — присутствующих в зале юристов.

Даниил Константинов невиновен и должен быть оправдан в силу доказанной непричастности к вменяемому ему преступлению по следующим основаниям.

Алиби Константинова подтверждено всей совокупностью доказательств, рассмотренных в данном судебном процессе.

Показаниями самого Константинова, которые согласуются с другими доказательствами по делу, а именно:

показаниями других свидетелей алиби,

детализациями входящих и исходящих вызовов Константинова и Ионовой Марины Владимировны с привязкой к базовым станциям сотовой связи,

тетрадью заказа столиков ресторана «Дайкон», в которой есть запись о заказе столика № 100 на 19:00 на шесть персон 3 декабря 2011 года;

детализацией входящих и исходящих вызовов телефона Константинова Ильи Владиславовича, в которой сохранился звонок Константинова Ильи Владиславовича в ресторан «Дайкон» для заказа столика.

Второе. Показаниями Ионовой Марины Владимировны, которые полностью согласуются с показаниями Константинова, а также с другими доказательствами по делу, а именно:

показаниями свидетелей алиби,

детализациями входящих и исходящих вызовов телефонов Константинова и Ионовой с привязкой к базовым станциям сотовой связи,

тетрадью заказа столиков ресторана «Дайкон», в которой есть запись о заказе столика № 100 на 19:00 на шесть персон на 3 декабря 2011 года;

детализацией входящих и исходящих вызовов телефона Константинова Ильи Владиславовича, в которой сохранился звонок Константинова в ресторан «Дайкон» для заказа столика.

Третье. Показаниями свидетелей алиби Константинова Даниила Ильича, а именно: его мамы Константиновой

Галины Алексеевны, отца Константинова Ильи Владиславовича и гостей застолья Ольденбург-Свинцовых, которые согласуются с другими доказательствами по делу:

показаниями Константинова Даниила Ильича, Ионовой Марины Владимировны,

детализациями входящих и исходящих вызовов телефонов свидетелей алиби, которые подтверждают их нахождение в районе ресторана «Дайкон» вечером 3 декабря 2011 года,

фотографиями из ресторана «Дайкон»,

тетрадью заказа столиков ресторана «Дайкон».

Четвёртое. Детализациями входящих и исходящих вызовов указанных выше лиц, подтверждающими их показания и нахождение свидетелей алиби в районе ресторана «Дайкон» 3 декабря 2011 года.

Пятое. Детализациями входящих и исходящих вызовов абонентов с привязкой к базовым станциям сотовой связи из района метро «Улица академика Янгеля» (то есть с примерного места преступления),

подтверждающими, что телефон Константинова Даниила Ильича не находился, не работал в районе метро «Улица академика Янгеля» вечером 3 декабря 2011 года. Более того, телефон Константинова не фиксируется в указанном районе ни разу за полгода. То есть он там не бывал.

Шестое. Фотографиями из ресторана «Дайкон», которые признаны подлинными и, по словам сотрудников ресторана «Дайкон», отражают обстановку ресторана и интерьер. Согласно показаниям свидетеля Мишей сервировка стола на фотографиях соответствует заказу по бару (в кассе бара), отражённому в чеке № 109.

Седьмое. Записями с видеокамеры в метро «Улица академика Янгеля» за 3 декабря 2011 года, на которых

видно, что Константинова Даниила Ильича не было на станции в течение всего дня и вечера 3 декабря 2011 года.

Показаниям Константинова Даниила Ильича и свидетелей алиби следует доверять, поскольку они последовательны, логичны, непротиворечивы и подтверждаются иными доказательствами и материалами по делу. В совокупности с иными доказательствами защиты: детализациями входящих и исходящих вызовов Константинова и свидетелей алиби, фотографиями застолья из ресторана «Дайкон», тетрадью заказа столиков в ресторане «Дайкон» — показания указанных лиц формируют логичную полноценную картину событий 3 декабря 2011 года.

Все свидетели алиби прошли проверку своих показаний на «полиграфе», подтвердившую правдивость их показаний. Результаты психофизиологического исследований свидетелей алиби, а также весь ход проведения исследования, запечатлённый в видеозаписях исследования и описаниях техники и методики проведения исследования, приложены к материалам уголовного дела и могут быть исследованы судом. В судебном заседании допрошена специалист-полиграфолог Насонова, показания которой мы оглашали в данном судебном заседании, которая рассказала о ходе проведения исследования и его результатах. Она отметила, что полностью доверяет реакциям свидетелей алиби при проведении исследования, а в особенности реакциям матери Даниила Галине, поскольку значимость их результатов выше в силу того, что они (в особенности мать подсудимого) являются близкими лицами для Даниила Константинова и выдавали бы очень эмоциональные реакции, если бы их показания не соответствовали действительности.

Надо отметить, что несмотря на то, что эти показания давно приложены к материалам дела, они не были

исследованы следствием и обвинением, им не дано никакой оценки и, естественно, они не опровергнуты. То есть обвинение даже не попыталось опровергнуть результаты данного исследования. Мы знаем, что согласно разъяснениям Верховного суда результаты психофизиологического исследования на «полиграфе» не являются доказательствами по делу, но имеют рекомендательную силу и могут быть использованы для внутреннего убеждения суда.

Обвинение не смогло представить никаких доказательств отсутствия Константинова Даниила Ильича в ресторане «Дайкон» 3 декабря 2011 года.

Сотрудники ресторана «Дайкон» не опровергли и не отрицали присутствия Константинова Даниила в ресторане вечером 3 декабря. Никаких материальных доказательств отсутствия подсудимого в ресторане «Дайкон» 3 декабря 2011 года также не представлено. Следователь Алтынников, допрошенный в судебном заседании, на прямой вопрос о доказательствах отсутствия Константинова в ресторане «Дайкон» ответил, что не может их назвать.

Я прошу всех обратить на это внимание, поскольку я говорю именно о доказательствах отсутствия конкретного человека в конкретное время в конкретном месте. Мы очень много спорим здесь вокруг мишуры, фотографий, блюд, чеков. Но мы не исследуем мишуру, память свидетелей на блюда, мы не исследуем новогодние украшения ресторана. Мы пытаемся доказать, что конкретный человек, а именно Константинов Даниил Ильич, был в указанное время в конкретном месте. Ещё раз повторяю, никаких доказательств моего отсутствия в ресторане «Дайкон» сторона обвинения за два с половиной года так и не представила.

Итак, сторона защиты даёт правдивые последовательные показания и ссылается на иные

доказательства защиты, а сторона обвинения не может привести ни одного доказательства отсутствия подсудимого в ресторане «Дайкон» 3 декабря 2011 года.

Что касается доказательств стороны обвинения, то они несостоятельны и не могут быть положены в основу обвинения или обвинительного приговора по следующим основаниям.

Показаниям свидетеля Софронова следует дать критическую оценку, поскольку они путаны, противоречивы, непоследовательны, неоднократно меняются как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебных заседаний под председательством федеральных судей Тюркиной и Черниковой, а также противоречат иным собранным по делу доказательствам. Так, в своих первых показаниях, данных сразу после убийства ночью 4 декабря 2011 года, Софронов ничего не говорит об убийце Темникова, о ноже либо ударе ножом. Больше того, он прямо заявляет: «Об убийстве Алексея мне сообщили сотрудники полиции. Как это произошло — я не видел» (дословно). Из песни слов не выкинешь. Это серьёзное заявление, которое свидетельствует о том, что обстоятельства гибели Темникова Софронову неизвестны. Данные показания подписаны Софроновым собственноручно, никаких замечаний на содержание протокола допроса от Софронова 4 декабря 2011 года не поступало. Затем он снова даёт такие же показания уже по делу о нанесении ему ножевого ранения, и снова рассказывает только о себе, утверждая, что гибели Темникова он не видел. Протокол допроса снова подписан Софроновым собственноручно, никаких замечаний не поступило.

Однако после появления рапорта о возможной причастности Константинова к преступлению с показаниями Софронова начинают происходить

удивительные метаморфозы. Сначала 4 февраля 2012 года Софронов якобы опознаёт Константинова как участника драки на Янгеля и как лицо, которое присутствовало при смертельном ударе Темникову «иным лицом из кампании Константинова» (дословно). А потом, после появления в деле следователя Звонкова, показания Софронова снова меняются, а лицом, замахивающимся на Темникова ножом, становится сам Константинов. Такое радикальное изменение показаний объясняли тем, что следователь якобы неправильно записал слова Софронова, но никаких подтверждений этому так и не нашли. Следователь Яковлев ничего и не смог пояснить по этому поводу. На протоколе допроса, разумеется, есть подпись Софронова; и, конечно, нет никаких замечаний или возражений Софронова на содержание данного протокола. Подлинность данного протокола подтверждают и Софронов, и следователь Яковлев в ходе судебного допроса.

Обратим внимание на это обстоятельство! В течение длительного времени, с 4 февраля 2012 года по 21 марта 2012 года, лицом, нанёсшим смертельный удар Темникову, считалось некое лицо из окружения Константинова. Это нельзя считать простой ошибкой. Ведь кроме самого протокола допроса были и другие документы, в том числе постановления об обысках в квартирах Константинова, его родителей и в офисе его отца. Версия о причастности лица из окружения Константинова к преступлению была основной, официальной. В конце марта 2012 года принимается решение вешать убийство на Константинова. Показательна в этом отношении фраза Звонкова, сказанная им 22 марта 2012 года: «Не хочешь сотрудничать — значит, будешь сидеть за других».

В дальнейшем показания Софронова ещё неоднократно дополнялись и изменялись. Спустя несколько месяцев после ареста Константинова Софронов якобы вспоминает

нож, описывает его и зарисовывает. По этому рисунку ножа проводится печально известная экспертиза. Ну а в суде Софронов просто сыпется, путаясь и меняя показания по несколько раз в течение одного заседания. Так было и во время первого судебного допроса под председательством судьи Тюркиной, так было и во время второго допроса в судебном заседании.

Критическая оценка показаниям Софронова должна быть дана ещё и потому, что он был неоднократно судим за многочисленные преступления, является профессиональным преступником. Во время проведения следственных действий с Константиновым он умудрился совершить множество краж со взломом в жилых домах у себя в области. Взгляните на эту картину! 22 марта 2012 года Софронов якобы опознаёт Константинова. А уже 25 марта совершает кражу со взломом в Нижегородской области. А затем — 26 марта, 27 марта, 28 марта и так далее, причём в некоторые дни умудряется совершать по две кражи в день. И всё это происходит под госзащитой. Полиция не мешает Софронову красть — ведь он такой ценный свидетель! Как издевательски отметил сам Софронов в своём допросе в суде: «Нет, не мешала совершенно». Помните, Ваша честь?

Софронов не просто крадёт. Он выступает организатором и подстрекателем этих преступлений, вовлекая в них своих друзей и даже свою девушку. А потом, будучи пойманным, даёт на неё показания. Достойный мужчина! Этим дело не ограничивается. Получив условный срок за свои преступления, Софронов не соблюдает возложенных на него обязанностей, нарушает режим исполнения наказания, совершает административные правонарушения, в связи с чем ему заменяют условный срок наказания на реальный срок заключения. Все эти факты свидетельствуют о крайне пренебрежительном отношении Софронова к закону и к обществу, что ставит под сомнение правдивость и адекватность его показаний.

Да он этого и не скрывает. Помните, как он охарактеризовал, что такое движение панки? «Да наплевать на всё!»

Итак: противоречивость, путаность и постоянные изменения показаний Софронова в совокупности с тем, что он неоднократно судим и совершал множественные преступления, являются основанием для критической оценки его показаний. Да и сами показания Софронова противоречат всем другим материалам дела. Они опровергаются показаниями свидетеля Сальникова, который даёт совершенно иную картину происходящего в вестибюле метро «Улица академика Янгеля» и не опознаёт Константинова как участника драки, показаниями свидетеля Петрова, который также не признаёт в Константинове лиц, которые гнались за Темниковым на улице, детализациями входящих и исходящих вызовов телефонов Константинова и свидетелей алиби, видеозаписями из метро, которые показывают, что Константинова в метро «Улица академика Янгеля» в тот день не было, многочисленными экспертизами, которые устанавливают, что никаких материальных следов присутствия Константинова на месте преступления не обнаружено: ни крови, ни волос, ни кожи — никакого биологического и генетического материала. Точно так же на вещах Константинова не обнаружено ничего с места преступления или с трупа убитого.

Судебно-молекулярная экспертиза показала, что на куртке Темникова не сохранилось и знаменитого плевок, на который ссылается Софронов. А ведь это, по его словам, стало основанием для ссоры! В дальнейшем, корректируя свои показания в последнем судебном заседании, Софронов не даёт однозначного ответа, плевал ли кто-то на куртку или нет. Он утверждает, что был то ли плевков, то ли кто-то открыл двери, то ли кто-то кому-то помешал, то ли он слышал плевков. В общем, даёт сумбурные и неконкретные показания как раз для того,

чтобы невозможно было привязаться к факту отсутствия слюны на куртке убитого. Слюна не была обнаружена нигде больше на месте преступления.

Теперь обратимся вкратце к другим доказательствам обвинения. Большая часть так называемых доказательств обвинения в действительности оказались доказательствами защиты. Свидетели Петров и Сальников заявили, что увидели Константинова впервые в зале судебных заседаний и, естественно, не узнали во мне участника драки на Янгеля. Свидетель Сальников вообще дал иную (как я уже говорил) в сравнении с показаниями Софронова картину происходящего в метро вечером 3 декабря 2011 года. По его словам никакой драки и тем более поножовщины в вестибюле метро не было. Софронов вбежал в вестибюль через стеклянную дверь и покатился вниз по ступеням, а затем вскочил на ноги и сразу убежал за угол, не оборачиваясь и не смотря наверх. Это описание, кстати, вполне согласуется с первоначальными показаниями Софронова 4 декабря 2011 года, в которых он описывает только то, что происходит с ним, и заявляет, что не видел, как убивали Темникова. Куда более правдоподобная картина, чем та, которую позже рисовал Софронов в своих показаниях! Разумеется, никаких ножей в переходе и вестибюле метро Сальников не видел. Свидетель Петров не опознал Константинова как человека, преследовавшего Темникова от вестибюля подуличного перехода метро к станции метро «Улица академика Янгеля». Больше того, в ходе судебного заседания свидетель Петров, глядя на Константинова, не выказал вообще никаких признаков узнавания.

Свидетели — работники ресторана «Дайкон» — не утверждали, что не видели Константинова 3 декабря 2011 года, а наоборот: узнали на фотографиях с Дня рождения обстановку и интерьер ресторана «Дайкон». Свидетель Мишей в ходе допроса в судебном заседании показала, что

в ресторане «Дайкон» в декабре 2011 года было две кассы: по бару и по кухне, которые были подключены к системе R-Keereg. Каждая из касс компьютеров R-Keereg распечатывала предчеки по кухне и по бару соответственно. Она также заявила, что сервировка стола, относящаяся к бару, соответствует чеку № 109, копия которого имеется в материалах дела, что подтверждает показания подсудимого и свидетелей алиби и опровергает доводы обвинения о том, что показания свидетелей алиби не соответствуют заказу по столику № 100.

Свидетель Мареева показала, что вечером 3 декабря её в ресторане не было. Что касается её показаний по поводу новогодней мишуры, то они опровергаются показаниями свидетеля Мосолова Сергея Владимировича и записями в книге учёта расходников ресторана «Дайкон», из которых видно, что деньги на украшения были взяты только 3 декабря 2011 года, а купленные украшения были развешены позже, ближе к Новому году. Надо отметить, что свидетель Мосолов дал очень чёткие показания о том, что он сидел у окна, что окно было задрапировано, и на нём не было никаких украшений. Тогда как свидетель Мареева заявляет, что в силу требований Управы окна-то украшались всегда в первую очередь, потому что это видно. В судебном заседании под председательством Тюркиной Галины Михайловны Мареева показала, что украшения могли быть куплены только 3 декабря 2011 года и развешены в следующие дни. На прямой вопрос адвоката Зацепина: должны ли мы понимать это так, что украшения могли быть куплены 3 декабря, а развешены только в последующие дни — она отвечает: «Да, вполне возможно».

Покупка пароварки моей маме Константиновой Галине Алексеевне подтверждается фотокопией с компьютерной базы магазина «М-видео», свидетельствующей о продаже 3 декабря 2011 года в 18 часов кассиром магазина Куприяновой пароварки Steamer-One. (том 6, лист дела

222). Сама Куприянова в своих первоначальных показаниях подтвердила продажу пароварки в 18 часов 3 декабря 2011 года. А вот в суде повела себя странно, впад в истерику, плача, дрожа и утверждая, что следователь Алтынников заявлял ей, что нашёл чек из «М-видео» возле трупа. Тогда как этого чека в деле вообще нет.

Протокол осмотра места происшествия от 3.12 2011 также никак не указывает на Константинова и не может использоваться в качестве доказательства вины Константинова. То же можно сказать и о карточке происшествия, в которой нет ничего, что бы указывало конкретно на Константинова. Непонятно, почему данные документы указаны в качестве доказательств обвинения в обвинительном заключении: они носят описательный характер и никак не указывают на Константинова как на лицо, совершившее преступление.

Заключение медицинской судебной экспертизы № 345 также никак не указывает на Константинова Даниила Ильича, зато опровергает показания Софронова о характере замаха ножом. Согласно выводам экспертизы смертельный удар Темникову был нанесён снизу вверх, а не сверху вниз или сбоку, как позже утверждал Софронов в разное время.

Заключение медико-криминалистической экспертизы № 645/12 не может ложиться в основу обвинения, поскольку прямо указывает, что установить тождество между рисунком ножа и орудием преступления невозможно. Показаниям эксперта Орлова о том, что биологический объект — слюна — на куртке Темникова мог быть смыт дождём, является предположением, и в качестве такового не может использоваться для доказательства вины Константинова. Заключение молекулярно-генетической судебной экспертизы № 173, согласно выводам которой на куртке и шапке, изъятых в

ходе обыска по месту проживания Константинова, следов крови не обнаружено. Заключение медико-криминалистической судебной экспертизы № 215/12, которое говорит о том, что телесное повреждение в виде колото-резаного ранения груди Темникова не могло быть причинено ножами, обнаруженными и изъятыми в ходе производства обысков по адресам регистрации и фактического проживания Константинова. Заключение биологической судебной экспертизы № 448/385, из которого следует, что на куртке Темникова произведёнными исследованиями слюна не найдена.

Отдельно стоит поговорить о так называемой контрольно-кассовой ленте и чеках, которые в ней содержались, используемых для попытки опровержения алиби. Эта лента уже исчезла из материалов дела загадочным образом, что уже исключает возможность ссылаться на неё как на доказательство — исходя из принципа непосредственности исследования доказательств. Но даже если бы она была, она не может являться доказательством обвинения по следующим причинам. Во-первых, согласно показаниям свидетеля Мишей блюда, указанные в чеке № 109, соответствуют сервировке стола в части заказа блюд и напитков из бара. В то же время, по её словам, в ресторане «Дайкон» было две кассы: на баре и на кухне. То есть чек № 109, судя по всему, является барным чеком, что подтверждает показания Константинова и свидетелей алиби. Во-вторых, следствием по неизвестной причине исследован только один чек № 109 из всей кассовой ленты за время заведомо меньшее, чем время празднования Дня рождения; и на основе этого чека сделаны выводы о несоответствии заказа показаниям свидетелей и подсудимого. Между тем, не исследованы остальные чеки из той же ленты: чек № 110, чек № 111 и так далее. В этих чеках могли содержаться другие напитки и блюда, которые заказывали гости 3 декабря 2011 года. Вместо этого следствие

сознательно демонстрировало свидетелям из ресторана только один чек из всей кассовой ленты и требовало от них сделать логические выводы о соответствии этого чека (или несоответствии этого чека) сервировке стола. В-третьих, лента, изъятая из ресторана «Дайкон», не является в соответствии с действующим законодательством контрольно-кассовой лентой, а чек № 109 — кассовым чеком. В указанном чеке отсутствуют необходимые реквизиты: ИНН организации-налогоплательщика, заводской номер контрольно-кассовой машины, признак фискального режима (пункт 4 «Положения по применению контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчётов с населением», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.1993 № 745). Нет этих реквизитов и в самой ленте, несмотря на то, что согласно пункту 5 указанного «Положения», чеки, контрольные ленты и другие документы, предусмотренные техническими требованиями, и печатаемые с помощью контрольно-кассовых машин в фискальном режиме, должны иметь отличительный признак, указанный в технических требованиях фискальной контрольной памяти: «ФП». В соответствии с пунктом 2 «Положения о регистрации и применении контрольно-кассовой техники, используемой организациями и индивидуальными предпринимателями», утверждённом Постановлением Правительства Российской Федерации от 23.07.2007 № 470: «Контрольная лента — это первичный учётный документ, выполненный контрольно-кассовой техникой на бумажном или на электронном носителе, содержащий сведения о контрольно-кассовой технике и наличных денежных расчётах. Сведений о контрольно-кассовой технике в полученной следствием ленте нет, и не было.

Сторона защиты обратилась в ООО «Интел-Вест», специализирующееся в области бухгалтерского учёта и аудита, с просьбой дать оценку ленте и чеку № 109 из

ресторана «Дайкон» с точки зрения соответствия данных документов требованиям законодательства. В заключении специалиста ООО «Интелвест» (том 13 лист дела 141-142) сказано, что данные документы не содержат необходимых реквизитов и не являются кассовым чеком и контрольно-кассовой лентой с точки зрения законодательства. Таким образом, данная лента и чек № 109 из ресторана «Дайкон» не являются допустимыми доказательствами и не опровергают заявленное Константиновым алиби.

В заключение хочу отметить, что в ходе предварительного следствия и суда были нарушены грубейшим образом мои права. Ни на одной из стадий мне так и не позволили полностью ознакомиться со всеми материалами уголовного дела. Я защищался и защищаюсь в суде, не зная всех материалов дела. Меня неоднократно ограничивали в ознакомлении с материалами дела. И даже здесь, в этом судебном процессе, мне не дали ознакомиться со всеми аудио- и видеоматериалами в нарушение требований УПК. Конституционный суд Российской Федерации в Определении № 189-о от 23 мая 2006 года установил, что «закрепляя в пункте 12 части 4 статьи 147 Уголовно-процессуального кодекса право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, федеральный законодатель определяет момент, с которого все материалы уголовного дела становятся доступными для обвиняемого, но не ограничивает возможности его реализации только этим этапом уголовного судопроизводства. Следовательно, данная норма не может расцениваться как препятствующая ознакомлению с материалами уголовного дела в целях реализации обвиняемым права на защиту и в последующих этапах уголовного судопроизводства: как после поступления дела в суд, так и после вынесения приговора». Но Чертановский районный суд не

прислушался к мнению Конституционного суда Российской Федерации и ограничил меня в ознакомлении с материалами уголовного дела как юридически (до поступления дела в суд), так и фактически (после поступления дела в суд).

Обвинение как было, так и осталось мне непонятным. В нарушение требований статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса не указаны мотив преступления и точное место преступления, а также другие непонятные подсудимому элементы обвинения. Несмотря на неоднократные просьбы подсудимого разъяснить ему обвинение, это так и не было сделано. В ходе настоящего судебного заседания указанные неясности также не удалось устранить. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (в редакции Постановлений Пленума от 2007, 2008, 2009) указано: «По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания». Но видимо, для прокуратуры требования Верховного суда — не указ, поскольку данные моменты так и не были установлены.

Никаким образом не установлена и не подтверждена и принадлежность Темникова и Софронова к общественному движению «панки». Не нашла своего подтверждения и вымышленная неприязнь подсудимого к панкам.

Не установлено орудие преступления. Не установлено, каким образом подсудимый мог попасть на место преступления, с кем он был, куда он мог скрыться, по какой причине вообще мог оказаться на месте преступления. В обвинении отсутствует здравый смысл и

логика, в соответствии с которыми должна осуществляться оценка доказательств. Не дано никакой реальной оценки обстоятельствам алиби, совокупности его показаний и показаний свидетелей алиби, а также вещественных доказательств.

И, зачитав вам заранее подготовленный текст, я бы хотел отдельно обратить внимание на саму итоговую фабулу обвинения, которая была озвучена в прениях государственным обвинителем Толстых.

Прослушав это обвинение, у меня сложилось впечатление, что судебного следствия не было! Такое впечатление, что государственный обвинитель не слышал ничего, что говорилось свидетелями в данном судебном процессе, не исследовал вместе с нами материалы дела и вещественные доказательства.

Обвинение в его устах прозвучало точно в том виде, в котором оно было изготовлено изначально, за исключением неудобных для стороны обвинения моментов. Так, например, государственный обвинитель Толстых «забыл» упомянуть о мотиве преступления, не дал никакой оценки данному пробелу в обвинительном заключении. А ведь я неоднократно просил разъяснить мне мотив вменяемого мне преступления!

Государственный обвинитель как будто бы не слышал о том, что контрольно-кассовая лента, которую они представляли на следствии в первом процессе, не соответствует требованиям законодательства и не может быть использована в суде; больше того, как выяснилось в данном судебном процессе, и не является контрольно-кассовой лентой, а является согласно протоколу выемки из ресторана «Дайкон» лентой программы R-Keeper, причём видимо, судя по показаниям свидетеля Мишей, только с барной кассы.

Государственный обвинитель как будто не заметил многочисленных недомолвок, путаницы, непоследовательности в показаниях свидетеля Софронова, которого допрашивали в течение двух дней, и утверждает, что они в целом последовательны и непротиворечивы. Государственный обвинитель утверждает (это что-то невиданное в юриспруденции!), что (дословно): «Детализации входящих и исходящих вызовов телефона Константинова не являются доказательствами его невиновности, поскольку опровергаются показаниями Софронова». Вдумайтесь в это! Государственный обвинитель в судебном процессе заявляет, что объективные технические характеристики и параметры, изъятые со специальной аппаратуры следствием опровергаются показаниями Софронова! Можно узнать: каким образом?! Как раз-таки наоборот: именно показания свидетеля Софронова опровергаются детализациями; и это очень логично. Все достоверные, материальные, закреплённые в материалах дела факты свидетельствуют о том, что Софронов либо врёт, либо ошибается. Это — и биллинги с телефонов подсудимого и свидетелей алиби, и тетрадь заказа столиков ресторана «Дайкон», и звонок Константинова Ильи Владиславовича в этот ресторан для заказа столиков, и фотографии из ресторана «Дайкон», и подробное, логичное, согласующееся объяснение всего этого дня со стороны всех лиц, которые принимали участие в праздновании Дня рождения моей мамы.

Это что всё: совпадения? Это что, совпадение, что биллинги, запрошенные стороной обвинения после дачи показаний свидетелями алиби, подтверждают их? Это что, совпадение, что биллинги Константинова полностью подтверждают его показания, причём поэтапно: по периодам его движения по городу. Вот он находится на Белозёрской, вот он перемещается на Снежную (в соответствии со своими показаниями и показаниями

Ионовой), вот он уже выходит в интернет точь-в-точь как он описывает гораздо раньше, чем были запрошены эти биллинги. Это совпадение?

Это совпадение, что в ресторане после дачи показаний оказывается книга регистрации столика на 6 персон на 19:00 на имя Илья? Это что, совпадение, что часть блюд в чеке № 109 абсолютно соответствует показаниям и свидетелей алиби, и самого Константинова? Это что, совпадение, что звонки, в соответствии с детализацией входящих и исходящих вызовов, поступают ровно в той последовательности и в то время, как рассказывают свидетели алиби и Константинов? Это что, совпадение, что при этом на станции метро «Улица академика Янгеля» о Константинове никто и не слышал? Его нет на видеозаписях из метро, его нет на биллингах, его нет в системе «поток». И кроме Софронова его никто там не видел.

Вдумайтесь все! Я призываю вдуматься и суд, и обвинение, и всех присутствующих, и всех, кто увидит видеозапись: вдумайтесь! Такое количество совпадений в один день — или что это? Или невероятная интуиция свидетелей алиби и подсудимого, которая позволяет заранее предсказать, спрогнозировать, что биллинги, заказы столиков (и так далее) будут соответствовать их показаниям? Может быть провидение? Волшебство? Как ещё это назвать?

И против всего этого нам воздвигается монументальная фигура Софронова. Могучий свидетель!

Профессиональный вор, наркоман, который грабил дома мирных граждан и сбывал награбленное. Вот на его показаниях обвинение пытается опровергнуть всё то, что собрано и следствием, и стороной защиты в течение длительного времени.

Я убеждён, что все, кто услышал мою речь, все, кто знаком с делом, все, кто мало-мальски знаком с материалами

данного уголовного дела, убеждены, что совпадениями всё это быть не может — значит это правда.

Спасибо, я закончил.

(Аплодисменты.)

РЕПЛИКА

Я хочу ещё раз акцентироваться на том, что в действительности материалы дела опровергают показания Софронова, в особенности письменные показания Софронова, зафиксированные в материалах уголовного дела. А именно, Софронов неоднократно в нескольких протоколах дачи своих показаний утверждает, что они с Темниковым наносили нападавшему удары по голове и по лицу. Эта версия Софронова переходит из одного протокола в другой несколько раз. Приведёнными выше материалами адвоката Динзе, а именно, показаниями свидетелей Мангушева и Коротича, показаниями свидетеля девушки-оператора, самой видеозаписью на митинге и во время прогулки после митинга, а также протоколом осмотра Константинова в ОВД «Тверской» установлено достоверно, что никаких телесных повреждений у Константинова нет ни на голове, ни на лице, ни на руках. А ведь речь шла об обоюдной драке! Таким образом, как минимум в этой части показания Софронова достоверно ложны. То есть однозначно ложны. Ничего по этому поводу обвинение нам пояснить не смогло и не стало.

Второе, тоже касательно места происшествия. Следствие в начале своей работы пыталось привнести в данное уголовное дело версию о так называемых «скинхедах» или о футбольных болельщиках. То так, то сяк. То нападавшие – это группа охраны Константинова с «Марша против этнопреступности», то нападавшие – это некие мифические бритоголовые. Между тем из показаний

Петрухиной, Суетина, Шмальц и других лиц, которые присутствовали на месте преступления после совершения преступления, а в частности, разговаривали с Софроновым, известно, что они ничего о скинхедах не слышали. Как эти слова оказались в протоколах их показаний, они пояснить не могут. На наш взгляд это однозначно свидетельствует о фальсификации дела как минимум в части вот этой мотивировки.

Дальше, следующее. Ещё раз хочу акцентировать внимание суда на то, что на камерах видеонаблюдения в метро Константинова нет. Не установлено: каким образом он вообще мог попасть на место преступления. То есть не установлен не только мотив убийства, не установлен мотив местонахождения предполагаемого Константинова на месте преступления или в его окрестностях. На метро он не добирался. На машине, судя по системе «поток», он не добирался, хотя следователь Алтынников утверждал, что система «поток» несовершенна, потому что всё в нашем мире так несовершенно (дословно)! Никаких иных способов доставки Константинова в неизвестный ему район, где он не бывал, что подтверждается биллингами его телефонов, также не установлено.

В совокупности всех этих фактов вместе с остальными материалами уголовного дела, я делаю однозначный вывод о том, что данное дело сфабриковано.

Спасибо!

(Аплодисменты.)

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Ваша честь, господа адвокаты, друзья, товарищи, близкие! Прежде всего, я хочу поблагодарить вас всех: всех, кто присутствует в этом зале, и тех, кто уже два с лишним года приходит на суды, следит за процессом, оказывает

поддержку мне и моей семье. Я это очень ценю, спасибо вам большое! Я уже говорил в 2013 году, что считаю, что вы — лучшие люди России. И сейчас, спустя почти год после этого, я убедился в этом ещё сильнее.

Передаю приветы и тем, кто следит за процессом через СМИ и Интернет и распространяет информацию в сети. Я также очень надеюсь, что моё выступление увидят и услышат генеральный прокурор Российской Федерации, председатель Следственного комитета и директор ФСБ, поскольку в моей речи будет говориться и о должностных преступлениях сотрудников правоохранительных органов.

Итак, приступим.

Не каждому выпадает возможность произносить последнее слово дважды. Мне эта возможность предоставлена удивительной настырностью моих преследователей, которые не хотят отказаться от обвинения даже тогда, когда оно полностью развалилось. Первый раз я выступал со своим последним словом в декабре 2013 года, а сейчас уже конец сентября 2014. А воз и ныне там: дело Константинова идёт, а сам Даниил Константинов уже свыше двух с половиной лет находится в тюрьме.

Выступая в прошлый раз, я сказал, что обвинение в данном процессе потерпело полное фиаско и было разгромлено по всем направлениям. В этот раз все ещё хуже. Дело Даниила Константинова развивается по принципу бесконечного ухудшения качества обвинения.

Давайте присмотримся к обвинительному заключению. Начнём с чисто формальных критериев его оценки. Обвинительное заключение составлено с грубыми нарушениями закона. В нарушение статей 73 и 220 Уголовно-процессуального кодекса, а также Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной

практике по делам об убийстве», в обвинительном заключении не указан мотив преступления, не конкретизировано место преступления, способ преступления, а также иные факты и обстоятельства, которые должны быть отражены в обвинительном заключении, что лишает подсудимого и сторону защиты возможности знать, в чём он обвиняется, понимать сущность обвинения, возражать против него, защищаться всеми средствами и способами, позволенными законом. Напомню, что мотив преступления является признаком субъективной стороны преступления и неотъемлемым элементом состава преступления по делам об убийстве. Безмотивные преступления (убийства) свойственны разве что сумасшедшим. В дальнейшем я покажу, что отсутствие мотива и других обязательных признаков в данном деле — это не случайность, а закономерность.

Как я уже сказал, не указано точное место преступления. То ли убийство Темникова было совершено внутри вестибюля метро, то ли снаружи за стеклянными дверями, то ли в самих дверях. Это так и не стало ясно и в течение всего судебного процесса. Этому не знают ни государственный обвинитель, ни судья, ни подсудимый. И это тоже не случайно.

В обвинительном заключении присутствуют неясные и ничем не подтверждённые формулировки. Такие как то, что внешний вид Темникова и Софронова свидетельствовал об их отношении к неформальному движению «панки». Не раскрыто само понятие неформального движения «панки», не указано, что именно во внешнем виде Темникова и Софронова так взбесило нападавших. Изобретатель этих формулировок следователь Алтынников так и не смог ответить на вопросы защиты, кто такие панки и чем они характеризуются, что уже говорит многое о предъявленном Константинову обвинении.

Непонятными остались формулировки о физическом и моральном превосходстве нападавших, пренебрежительном отношении к человеческой жизни вообще и так далее. Я неоднократно просил о разъяснении мне обвинения, но мне фактически было отказано в этом.

В обвинительном заключении содержатся заведомо ложные сведения о якобы имевшем место отказе Константинова от прохождения «полиграфа». Хотя все было как раз наоборот, что мы и показали, используя материалы уголовного дела.

Ложно представлены и извращены показания свидетеля Петрова, о чём он и рассказал во время судебного процесса.

Таким образом, в действиях следователя, составившего обвинительное заключение, на мой взгляд, содержатся признаки состава преступления, предусмотренного статьёй 292 Уголовного кодекса Российской Федерации — служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений или ложных фактов. Ждём реакции от надзорных органов, хотя вряд ли она последует.

Кроме всего прочего, в обвинительном заключении содержатся выводы, основанные на предположениях. Слова «мог», «могло», «может» в этом документе встречаются несколько раз. Слюна могла быть смыта дождём, одежда Константинова могла быть постирана или уничтожена, нож мог быть уничтожен и так далее, и тому подобное. Так следствие реагировало на любые нестыковки и пробелы в деле — закрывалось догадками и предположениями. Но, как мы знаем, предположение не может ложиться в основу обвинения.

Как я уже говорил, указанные недостатки не являются случайными. Уголовное дело в отношении Даниила Константинова сфабриковано от начала до конца. Любая

фальсификация оставляет за собой хвост: шлейф, который тянется от неё по всему делу. Липовое доказательство не может не породить липовых формулировок. Липовый свидетель не может не оставить неясностей. Если человек чего-то не видел, то он не сможет дать точные показания. Это касается показаний Софронова, на которых строится все это дело.

Признаки фальсификации разбросаны по всем материалам дела. Бессменные понятые, два Дениса — Ехлаков и Добряков, — которые участвовали в 17 следственных действиях в период времени с апреля по ноябрь 2012 года, то есть как раз тогда, когда якобы проверялось алиби Константинова. И это при том, что следователь Алтынников утверждал: понятых он находил случайно, на улице. Случайно — 17 раз! Ещё двое понятых — Векин и Российский, которые участвовали ещё в нескольких следственных действиях и безропотно подписывали протоколы, не читая их. Векин и Российский — жители Подмосковья. Конечно, они случайным образом неоднократно появляются в следственном отделе Южное Чертаново. Следователь Звонков не может вспомнить, как они там оказались.

Исчезновение целого ряда вещественных доказательств по делу. Вначале исчезают личные вещи Темникова: рюкзак, фотоаппарат и телефон, которые могут содержать сведения, имеющие отношение к его убийству. Они изъяты и осмотрены первично на месте преступления, но их содержание так и осталось неизвестным.

Исчезли видеозаписи с некоторых камер видеонаблюдения из метро «Улица академика Янгеля», в том числе из перехода и вестибюля метро, о чем проговорился свидетель Суетин, сотрудник полиции на метрополитене.

Исчезновение видеозаписей со всех мест, которые имеют отношение к алиби: «М-видео», окрестности ресторана

«Дайкон»; исчезновение ленты из ресторана «Дайкон», на которую вначале ссылалось обвинение, пока она не стала неудобной для него. Исчезновение смывов крови из метро «Академика Янгеля» и вокруг него, по которым мы так и не смогли провести биологическую и судебную медицинско-криминалистическую экспертизу. Затёртости, замазывание ошибок в протоколах следственных действий, которые были объяснены как технические ошибки. Таких технических ошибок уже десятки.

Исчезновение даты преступления во всех протоколах следственных действий 22 марта 2012 года — как раз тогда, когда меня задержали. Протоколы подписаны всё теми же понятыми Векин и Российский.

Появление протокола допроса Софронова, в день, когда он находился в другом городе на допросе в 400 километрах от Москвы. Появление рисунка ножа и его описание, в точности повторяющие данные о характеристиках орудия преступления, известные из ранее проведённой экспертизы. И это при том, что Софронов дал эти показания спустя более, чем полгода, после моего задержания. На суде Софронов заявит, что нарисовал нож по своей фантазии, дофантазив гарду и рукоять ножа. Так он объяснит противоречие между рисунком ножа и его устным описанием в суде.

Показания свидетеля Куприяновой, которая заявила в суде, что следователь Алтынников показывал ей чек на покупку пароварки и утверждал, что он найден рядом с трупом. Чек, разумеется, также исчез. И более того: вообще ни разу не появлялся в материалах дела. Сам Алтынников заявил, что свидетель Куприянова врёт, хотя ранее сам ссылался на её показания. Кто же из них врёт: независимый свидетель или следователь, кровно заинтересованный в том, чтобы закрыть «висяк»? Та же свидетель Куприянова утверждала, что ей запрещали давать показания без присутствия начальника службы

безопасности «М-видео» — бывшего сотрудника МВД. В разговоре с адвокатом Динзе этот свидетель утверждал, что помнит, как лысый мужчина вместе с девушкой покупает у неё пароварку. Но почему она не сказала это следствию? Или сказала, но это не записали?

Показания свидетеля Сальникова в двух судебных процессах, где он говорит, что фото Константинова ему показывали многократно люди в штатском, выводя на разговор о Константинове; последний раз — за несколько дней до судебного заседания. Что это, как не попытка неизвестных лиц запечатлеть в памяти свидетеля облик Константинова, чтобы он был опознан в суде? И это уже после окончания предварительного расследования! Несмотря на это, свидетель Сальников заявил, что не видел Константинова на месте преступления и, вообще, увидел его впервые только в суде.

Показания свидетеля Софронова о том, что он сам боялся быть привлечённым к уголовной ответственности по данному делу, ссылаясь на свой печальный опыт. «Вы же знаете, какая у нас милиция», — сетует Софронов. «Я уже попадал в такие ситуации», — продолжает он. На вопрос адвокатов, что это были за ситуации, он ответить не успел — вопрос снят судом. Показания того же Софронова о том, что ему никто не угрожал, а заявление об угрозе он написал на всякий случай. Его же показания о том, что он не читал протоколы следственных действий, поскольку плохо читает — подписывал их, не читая. Свидетель Сальников тоже не читал своих протоколов. Он тоже плохо видит.

Показания Софронова о том, что следователь Яковлев неправильно записал его показания, указывающие не на Константинова, а на другое лицо как на убийцу Темникова. При этом данный протокол подписан самим Софроновым, и никаких замечаний на содержание протокола не поступило. После составления протокола следователь

Яковлев в срочном порядке увольняется из органов. На вопрос о возможности продолжения своей работы в органах он отвечает в суде: «Упаси Боже!» Интересный штрих!

Вообще показания Софронова — это отдельная история. Разброс его показаний поражает даже бывалых юристов. От тех, где он утверждает, что вовсе не видел и не знает, что случилось с Темниковым, до тех, где он уже опознает Константинова и пытается описать, что произошло с Темниковым. Впрочем, пытается не очень удачно. В промежутках между этими двумя крайними вариантами показаний он указывает на другое лицо как на лицо, ударившее ножом Темникова. Странно, но первые показания, где Софронов не видел и не знает, что произошло с Темниковым, он даёт тогда, когда в уголовном деле ещё нет Константинова, а начинает их менять, когда с подачи «Центра Э» Константинов в деле появляется. Менять сначала в сторону того, что я присутствовал при нанесении удара Темникову, и вплоть до того, что Константинов якобы сам замахивался на Темникова.

Во время обоих своих судебных допросов — в 2013 и в 2014 годах — Софронов откровенно «плывёт», путается, неоднократно меняет свои показания в течение каждого из допросов. Меняет место драки и замаха ножом: то на улице, то за стеклянными дверями; то внутри вестибюля метро, то вообще в дверях. Меняется и траектория замаха: то сверху вниз, то прямо, сбоку. И то и другое, кстати, опровергается медико-криминалистической экспертизой, утверждающей: удар был нанесён снизу вверх. Узнав, что его описания противоречат экспертизе, он злобно произносит: «Блин. Вот незадача. Не угадал».

Все это со всей очевидностью свидетельствует: Софронов не видел того, о чем говорил, вне зависимости от того, кто же на самом деле был на месте преступления.

Интересен сам портрет основного свидетеля обвинения. Внешность его меняется: то он предстаёт как панк со свежесбрившими висками, то он появляется в тюремной робе на голое тело с совершенно нормальной причёской. Говорит на криминальном жаргоне, фене: «Легавый отшутимся — я и подъеду», — рассказывает он о звонках оперативников. Утверждает, что он панк, что в его понимании означает: «Да наплевать на все!» (цитирую дословно). То заявляет, что воровал он как панк, а вот показания даёт как честный гражданин.

У него богатая биография. Девять классов образования. В тринадцать лет совершил первую кражу в колхозе, за что был поставлен на учёт. Этот факт он будет позже отрицать, не зная того, что это зафиксировано в материалах дела.

Постоянно меняет место работы, нигде надолго не задерживается. Меняет и место жительства. То он живёт у тётки в Москве, то в подъезде такого-то дома, куда ему звонит на несуществующий, по его словам, телефон следователь — «легавый», как он их называет. То проживает у себя в деревне, где в период проведения следственных действий со мной умудряется совершить 10 краж со взломом, находясь под государственной защитой. Вовлекает в преступную деятельность своих друзей и свою девушку, но, будучи пойманным, спокойно даёт на них показания. Он не приходит на похороны своего «друга» Темникова, не навещает его родителей. Позже на суде он объяснит это тем, что был занят, и у него болела рука. Но рука не мешала сбежать из больницы, и уж тем более совершить около десятка краж. В своих показаниях на следствии Софронов упорно скрывает факт своего привлечения к уголовной ответственности, то есть врёт, что зафиксировано протоколами следственных действий.

За многочисленные преступления его приговаривают к беспрецедентно мягкому наказанию — условному сроку. Но это мера держится, только пока он не даст показания

на Константинова в суде. Потом, как только он становится не нужен, его отправляют в тюрьму. Его обманули, как и поступают обычно с отработанными лжесвидетелями. Но — вот незадача! — дело отправлено на следствие, и Софронов снова мчится в Москву, на этот раз уже в наручниках. Видимо, пиллюлю ему подсластили обещанием условно-досрочного освобождения.

Но хватит о Софронове. В материалах дела ещё достаточно свидетельств сфабрикованности обвинения. Отказ в проведении «полиграфа» Константинову. Отказ в проведении «полиграфа» свидетелям алиби. А между тем, свидетели алиби прошли независимое исследование на «полиграфе», полностью подтверждающее правдивость их показаний. Неоднократный отказ в проведении проверки показаний Константинова на месте. А ведь я просил об этом четыре раза! Отказ в проведении проверки показаний на месте свидетелям алиби. Следствие сознательно ограничило право обвиняемого на защиту всеми доступными способами. Отказ в получении детализаций интернет-соединений с телефона Константинова. Следствие страшно боялось этого биллинга, который бы полностью подтвердил показания подсудимого и свидетелей алиби. Нам отказывали в этом биллинге больше двух лет, вплоть до того момента, когда данные о интернет-соединениях не исчезли. Очень жаль! А ведь объективное расследование, направленное на установление истины по делу, могло бы без всяких опасений запросить этот биллинг. И вправду, чего бояться?

Отказ в проведении очных ставок между мной, свидетелями алиби и работниками ресторана по причине того, что (дословно): «Противоречий в их показаниях нет». Теперь обвинение утверждает, что противоречие есть.

Отказ в проведении очной ставки между Константиновым и Софроновым после того, как Константинов дал

подробные показания, и появились взаимоисключающие противоречия между показаниями Софронова и Константинова. Внятных объяснений по поводу отказа не поступило. Отказ в медицинском освидетельствовании свидетеля Софронова 22 марта 2012 года, несмотря на то, что сторона защиты ясно указывала на признаки наркотического опьянения у последнего и сделала соответствующее замечание в протоколы следственных действий.

Отказ в проведении наркологической и психолого-психиатрической экспертизы Софронова. Отказ в предоставлении информации о причинах участия ГУПЭ МВД и ФСБ в данном деле. А вспомните стойкую амнезию следователей Рейдермана, Кондратенко, Яковлева, Звонкова и Алтынникова — то есть всех следователей, которые вели данное дело и не смогли толком вспомнить обстоятельств. Они не смогли точно и определённо ответить ни на один вопрос во время их допроса, не смогли объяснить причину появления в этом деле Константинова, указать источники своей осведомлённости. Как из многих миллионов людей они выбрали именно меня и представили для опознания Софронову? Впрочем, один из следователей ответил: «По наитию». Его посетило озарение! Амнезией заразились и оперативники, ведущие оперативное сопровождение данного дела: Агищев, Княжев, Волынский и так далее. Они также не смогли объяснить, откуда взяли Константинова и не могут указать источник своей осведомлённости. Я объясню. На юге Москвы происходит убийство. А из всех жителей Москвы для опознания Софронову вдруг представляют Константинова, который живёт на противоположном конце города. Никаких объяснений этому факту так и не поступило.

Я могу продолжать этот список признаков фальсификации дела очень долго, в течение многих часов, но у нас нет

сейчас такой возможности. Всё это частности. Ну а что же в целом?

Давайте посмотрим, какую картину преступления рисует нам обвинение.

Меня обвиняют в том, что 3 декабря 2011 года, в день рождения моей мамы я по неизвестной причине, с неизвестными лицами, неизвестным способом попал на место преступления, где из неустановленной неприязни к панкам неизвестным ножом убил неизвестного мне человека. А потом неустановленным способом оперативники вышли на Константинова.

В этом уравнении слишком много неизвестных, но это никого не смущает. Не смущает и заведомая абсурдность представленной картины, в которой двадцатисемилетнему (на тот момент) юристу и общественному деятелю приписывается поведение девиантного неадекватного подростка: странные вылазки на противоположную окраину Москвы с ножом в кармане и в компании неизвестных отморозков. И всё это — вместо того, чтобы праздновать семейный праздник в кругу близких.

И это — несмотря на то, что в деле имеется множество материалов, характеризующих меня с противоположной — положительной — стороны. Вменяемое преступление и (шире) поведение обвиняемого противоречат психологическому профилю личности Константинова, установленному несколькими психолого-психиатрическими экспертизами, положительными характеристиками с места учёбы и места жительства, показаниями свидетелей по характеристике личности.

При ближайшем рассмотрении картина, нарисованная следствием, рассыпается на глазах. Плевок, с которого согласно версии обвинения началась ссора на «Янгеля». Он оказался чистой выдумкой. Слюна так и не найдена ни на куртке убитого, ни на его теле, ни внутри вестибюля

метро, ни снаружи. Видимо, это было фантазией Софронова, придуманной для того, чтобы хоть как-то объяснить ссору на «Янгеля», причина которой была в чём-то другом, о чём не хочет говорить свидетель обвинения. Возможно, что Софронов с Темниковым сами на кого-то напали и получили столь жёсткий отпор; возможно, что драка и поножовщина была между ними — нам это неизвестно. Отсутствие слюны было для следствия так трагично, что пришлось проводить дополнительный допрос эксперта и ставить перед ним заведомо идиотский вопрос: «А могла ли слюна исчезнуть сама собой?». Эксперт, разумеется, ответил, что не могла. Так что плевка не было. А ведь про плевков на куртку Софронов говорит во всех своих показаниях. Плевков на куртку кочует из одного протокола допроса в другой, это единственное, что в них неизменно. И это единственное неизменное в нашем уравнении – не найдено.

В вестибюле метро «Улица академика Янгеля» вообще не найдено ничего, что бы указывало на Константинова. Ни на трупе Темникова, ни на его одежде нет никаких следов, указывающих на меня: ни отпечатков пальцев, ни крови, ни микрочастиц, волос, кожи или одежды — ничего. На моей одежде также нет никаких следов Темникова либо Софронова.

Нож не установлен и не найден. Зато проведена экспертиза по рисунку ножа. Вывод однозначный: установить тождество между рисунком ножа и орудием преступления невозможно.

В своей блестящей речи адвокат Динзе перечислил 40 доказательств, опровергающих обвинение. Не буду их все повторять, вот только некоторые из них.

Протокол осмотра места происшествия от 3.12.2011, из которого не следует, что на месте происшествия присутствовал Константинов: нет никаких следов или предметов, указывающих на меня.

Показания свидетелей Петрова и Сальникова, из которых следует, что Константинова на месте преступления они не видели. Увидели первый раз в суде.

Заключения судебной медицинской экспертизы № 3045, из которого следует, что на теле потерпевшего не обнаружены объекты материального и биологического происхождения, имеющие отношение ко мне.

Заключение медико-криминалистической судебной экспертизы № 645/12, согласно которому невозможно ответить на вопрос, поставленный перед экспертом следователем, вследствие отсутствия предмета, пригодного для данного рода исследования. Это — о рисунке ножа.

Показания самого подсудимого, то есть меня, также показания свидетелей алиби.

Психофизиологическое исследование на «полиграфе», подтверждающее правдивость показаний свидетелей алиби.

Заключение судебной компьютерно-технической экспертизы, из которого следует, что фотографии могли быть сделаны представленным стороной защиты фотоаппаратом, в том числе, в указанный период времени.

Заключение специалиста в области психологии, в котором была дана оценка показаний свидетеля Софронова, данными им на предварительном следствии и в ходе судебного заседания, о том, что Софронов в силу спутанности, несвязности и противоречивости показаний может давать неправдивые показания. Специалист подробно описал признаки, по которым он сделал такие выводы.

Показания свидетеля Круговых Таисии, которая свидетельствовала о том, что видела и производила видеосъёмку Константинова 5 декабря 2011 года на

митинге «За честные выборы» и не видела никаких телесных повреждений на лице, голове и шее. Данный факт свидетельствует о том, что Константинов 3.12.2011 в драке не участвовал.

Заключение специалиста в области судебной медицины Петрова, изучившего видеозапись с митинга 5 декабря 2011 года и не обнаружившего у меня никаких телесных повреждений. Данный факт свидетельствует о том, что я 3 декабря в драке не участвовал.

Показания свидетелей Мангушева, Коротича, которые видели меня опять-таки 5 декабря 2011 года в камере ОВД по району Тверской после задержания на митинге. У меня не было никаких телесных повреждений, поведение было нормальное и адекватное. Меня ничего не беспокоило. Также они узнали об угрозах в мой адрес со стороны сотрудника «Центра Э».

Заключение молекулярно-генетической судебной экспертизы № 173, которая доказывает, что я не взаимодействовал с убитым Темниковым, то есть не плевался в него и не был на месте происшествия.

Заключение медико-криминалистической судебной экспертизы № 215/12, из которой следует, что изъятые у Константинова в доме ножи не были использованы в качестве орудия преступления.

Заключение биологической экспертизы № 448/385, согласно которой на куртке Темникова слюна не найдена. Данное доказательство подтверждает факт отсутствия Константинова на месте происшествия и невзаимодействие с убитым.

Видеозаписи из метро «Улица академика Янгеля» и обзорённые в судебном заседании скриншоты с камер наружного наблюдения, из которых следует, что Константинова на месте происшествия 3 декабря не было.

Зато на видеозаписях имеется молодой человек в бело-чёрной пятнистой куртке, похожий на описание Софронова.

Справка обхода ларьков, осмотра соединений мобильных телефонов и так далее, и тому подобное.

А ведь есть ещё биллинги свидетелей алиби, подтверждающие их показания, мои биллинги, тетрадь заказа столиков ресторана «Дайкон», фотографии, тетрадь учёта расходников ресторана «Дайкон», показания свидетеля Мосолова!

Все эти доказательства в их совокупности полностью подтверждают невиновность Константинова и указывают на явную фальсификацию дела. Но не буду вас сильно утруждать формальной стороной данного дела — перейду к следующему элементу.

Дело Даниила Константинова — это не просто фальсификация. Это политическое преследование, точечная прицельная репрессия, направленная против одного человека. Вместе с тем, это дело следует оценивать в совокупности с другими репрессиями против оппозиции, с другими политическими делами: делом Удальцова-Развозжаева, Болотным делом, делом Навального, а также преследованиями лидеров русского национального движения и нацболов, которые под разными предлогами осуществлялись в течение нескольких лет. Однако дело Константинова имеет одно важное отличие от всех вышеназванных дел. Если в остальных делах основой для преследования являлась уголовно-правовая интерпретация тех или иных событий и действий — коммерческих сделок, массовых акций, выступлений — то в деле Константинова обвиняемый грубо вмонтирован в событие преступления, к которому он не имеет вообще никакого отношения: не был на месте преступления, не знаком с потерпевшими и нападавшими, ничего о преступлении не знает. Уголовное дело сфабриковано

«под ключ» с самого начала и до конца. Метод борьбы с Константиновым грубее, жёстче, беспринципнее, чем остальные репрессивные меры против оппозиции. Аналоги таких мер мне неизвестны.

О политическом характере дела Константинова свидетельствуют многие факты и материалы, имеющиеся в деле. Участие «Центра Э» и ФСБ в следственной группе по делу о, казалось бы, банальном бытовом убийстве. Против меня были мобилизованы целые федеральные ведомства. Главное управление по борьбе с экстремизмом МВД России и управление «М» ФСБ России, то есть (повторяю!) даже не территориальные отделы, а основные федеральные структуры.

Никто из допрошенных следователей так не смог внятно объяснить, почему эти ведомства были включены в состав следственной группы, и что они там делали. Документы, исходящие из «Центра Э» и содержащиеся в деле, подписаны сотрудниками в рангах генералов и полковников ГУПЭ МВД: генерал-майор Смирнов, полковник Диденко и так далее. Генерал-майор Смирнов, ни много ни мало заместитель руководителя всего ГУПЭ МВД Российской Федерации. Вот такой вот уровень заказа и сопровождения дела Константинова. Пусть кто-то посмеет сказать, что это обычная практика по делам об убийствах!

Какой же образ Константинова рисуют документы из «Центра Э»? Давайте обратимся к материалам дела. В них имеются постановления о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну. Да-да, вы не ослышались! Даниил Константинов уже стал государственной тайной. В этих документах рисуется страшный образ Константинова и его окружения. «Возглавлял экстремистские сообщества. Нарушал оперативную обстановку в городе. Проводил массовые акции протеста, в том числе и несанкционированные». А

дальше — ещё круче. «Осуществлял финансирование экстремистской деятельности в России при помощи незаконных финансовых схем и аффилированных коммерческих структур». Поистине демонический образ! А в результате — ничего. Все это оказалось липой. За два с половиной года, прошедших с момента появления данных документов не приведено никаких фактов, подтверждающих данную информацию.

Мнимый руководитель мнимого экстремистского подполья. Теневой финансист, спонсирующий экстремизм в России. Поднимите руку — кого я здесь спонсировал?! Не найдены никакие аффилированные коммерческие структуры и незаконные финансовые схемы.

В этих документах упоминаются и другие люди и структуры. Мой отец Илья Константинов, Дмитрий Феоктистов, «Движение против нелегальной иммиграции», «Русское общественное движение», партия «Новая сила». Видимо, готовился большой политический процесс наподобие Болотного дела, только «справа». С обвинениями в экстремизме, с провоцированием массовых беспорядках, финансированием оппозиции в России. Именно поэтому производство обыска в офисе моего отца было поручено «Центру Э». Постановление об обыске сохранилось в деле.

Именно поэтому «эшники» разгромили офис, изъяв в нём всё, что только можно: договоры, печати, бухгалтерскую отчётность, несколько компьютеров. Хотели что-то найти, но вот беда — не получилось. На этом и споткнулась политическая полиция, готовя большой политический процесс.

Теперь было принято решение просто закрепить за Константановым убийство, чтобы хотя бы частично выполнить поставленные задания по разгрому правого крыла оппозиции.

А представьте, если бы получилось! Константинов мог бы выступить в роли одновременно Удальцова, Развозжаева и Таргамадзе: сам финансирует, сам осуществляет, сам руководит, и так далее, и тому подобное. Вот это дела! Причина беспокойства спецслужб тоже ясна: объединительные процессы в оппозиции, совместные акции и создание единых коллегиальных органов оппозиции сначала «Гражданского совета», а потом и «Координационного совета оппозиции». Подготовка крупных акций в начале мая 2012 года. Именно тогда было принято решение о разгроме оппозиции. «Справа» целью стал Константинов. Другие лидеры национального движения были обезврежены разнообразными делами по 282 статье. «Слева» — Удальцов, Развозжаев. Все эти задачи выполнены, цели отработаны и находятся в тюрьме.

Есть и другие материалы дела, свидетельствующие о политическом заказе. Например, интервью, размещённое на сайте «Русская платформа», включённое в материалы дела ГУПЭ МВД. Или допросы Феоктистова от 12 марта 2012 года и 15 июля о совместных политических акциях со мной, о «Марше против этнопреступности», о партии «Новая сила» о Движении «Русский гражданский союз», о Данииле Константинове как участнике уличных акций. Феоктистова всё время пытаются вывести на разговор о боевиках, но он пояснил, что если мной и организовывалась охрана мероприятий, то только для поддержания порядка. Интересно то, что Феоктистову предъявляют фоторобот молодого человека в пятнистом капюшоне, сказав, что он и есть основной подозреваемый в убийстве. Как странно это перекликается с показаниями Софронова в феврале 2012 года, где он указывает на иное лицо — не Константинова — как на лицо, совершившее убийство Темникова. Что это: опять совпадение, нестыковка? В материалах прослушивания телефонных переговоров Феоктистова и Фёдорова несколько раз звучит фраза о том, что кто-то из группы охраны

Константинова (не сам Константинов) совершил преступление. Но группа охраны загадочным образом исчезает из дела. «Информация не подтвердилась», — скупое заявление следствия.

Интересны вопросы по поводу рассекреченных записей прослушки телефонных переговоров. «Что именно вы имели в виду, говоря о национализме?» «Кто такие Костя, Милитарёв, Мангушев?» А в самих ПТП политики более, чем достаточно; а вот об убийстве Темникова — ничего. Поразительная конспирация! В материалах прослушки предполагаемого убийцы нет ничего о факте убийства.

Кто интересуется следователей, когда они допрашивают свидетелей по данному делу? Константинов, Феоктистов, Владимир Тор. А имеющиеся в материалах дела данные ГУПЭ МВД Российской Федерации (сведения о лицах, входящих в круг общения) составляют 22 страницы убористого текста. И вновь лидеры и активисты оппозиции: Бабурин, Белов, Тор и так далее и тому подобное. Простите, но какое это имеет отношение к убийству Темникова? Ровно никакого.

Интересно, как меняются материалы дела с изменением политической обстановки в стране в 11-12 годах. Вначале Константинова вообще не было в деле, потом с развитием протестов в декабре-январе, Константинов появляется в качестве лица, присутствовавшего при нанесении удара Темникову. Видимо, в этот момент Константинов устраивал следствие, как обычный рядовой хулиган или руководитель группы хулиганов. А в конце марта 2012 года, в преддверии массовых акций, приуроченных к инаугурации президента, он превращается в главного подозреваемого. Вначале — по части 1 статьи 105, а на следующий день после выборов в Координационный совет оппозиции, подписано обвинение по части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Что это: опять совпадение?

Таким образом, многочисленные материалы дела свидетельствуют: дело Даниила Константинова носит заказной политической характер. Но это не единственный вывод, который мы должны сделать из данного дела и из того, что вообще происходит вокруг нас в стране.

Репрессии против оппозиции — это только часть большого процесса, это только этап в широком наступлении на гражданские права и свободы в России, которое осуществляется сейчас. Посмотрите, что происходит. Буквально каждый день «взбесившийся принтер» поставляет нам все новые и новые репрессивные и ограничительные законы: в сфере Интернета, в сфере политики, в сфере некоммерческих организаций, в сфере сохранения секретных данных граждан России и так далее, и тому подобное. Это целенаправленная стратегия.

И даже находясь в таком положении, в котором я нахожусь сейчас, я не могу с этим согласиться и не могу это принять.

Я считаю, что граждане России должны и дальше последовательно отстаивать свои конституционные права и свободы. Не отступать и не сдаваться перед натиском государства. Это основное, что я вам хочу сказать.

Вне зависимости от оценки событий на Украине, о чём сейчас говорят очень многие политики, в России эти события используются исключительно для закручивания гаек, подавления оппозиции и искоренения инакомыслия. Мы этого допустить не можем.

Поэтому я призываю вас, как и в прошлый раз, объединить свои усилия для защиты и реализации гражданских прав и свобод легальными законными методами.

В заключение хочу сказать ещё кое-что. Дело Константинова — это не только фальсификация и политическое преследование. Прежде всего, это большая

подлость. Подлость по отношению к молодому невинному человеку, которому пытаются разрушить жизнь, подлость по отношению к его семье, которую пытаются лишить мужа и сына. И наконец, что самое главное, это подлость по отношению к покойному Темникову и его семье. А ведь его жизнь стала разменной монетой в грязной политической игре против Константинова.

Инициаторы этого дела думали, что мы успокоимся, смиримся с тем, что их мужа и сына отправляют в лагерь на долгие годы по грязному обвинению. Но этому не бывать. Мы никогда не смиримся. Я хочу заявить, чтобы те, кто организовал этот процесс, знали: я и мои близкие будем бороться за правду в этом деле до самого конца, даже если на это потребуются вся наша жизнь.

Спасибо!

(Аплодисменты.)

Я прошу прощения за некоторую сбивчивость своей речи. Я уже больше двух с половиной лет нахожусь в СИЗО и довольно плохо себя чувствую, поэтому не смог выступить так, как я это сделал в первый раз. Но я думаю, что в данных обстоятельствах это вполне простительно. Ещё раз спасибо вам большое!

(Аплодисменты.)

Суд удаляется для вынесения решения, которое будет оглашено 16 октября в 14 часов.

Дело Константинова

7 13